
Пахнет дождём:
не водой, а вином домашним,
веткой, отцветающим мхом апрельским.
Тёмное время – с пятницы на субботу,
с субботы на воскресенье.

Страшно.
И разделить это время не с кем, конечно, не с кем.
гулкое и пудовое
раздави меня как жука
что мне делать здесь
если исчерпаны возможности языка
Вот она тяжесть последнего в мире сюжета.
Зацвели абрикосы. Небо низкое. Холодно. И ни одной пчелы.
Но мы, оказывается, переживём и это.

Первые жёлтые листья появляются от жары, в июле.
Первой желтеет липа
у маленького аэродрома,
земляного, живого,
где самолёты ещё недавно жужжали, как пчёлы:
пропеллеры – липовые цветки, небесные звёздочки,
девственные соски.

и ночь наступает внезапно
звук тяжелее запаха
сшивает тряпки моих полей
Первый раз я подумал о собственной смерти
в пять лет, в две тысячи третьем,
в семь, в две тысячи пятом,
подумал, что можно не умирать,
стать ветром, облаком стать.

Примерно в это же время мир начал складываться в слова:
особенно нравился неуклюжий и добрый,
покачивающийся АН-2 –
ставший праздником, солнечным кукурузником.

И тогда я сочинил:
хочу чтобы когда умру
прах мой развеяли по ветру
с кукурузника с кукуру
Дальше не выходило.

